

Надь 3.

«ВСЕ БОЯТСЯ МЕДВЕДЯ». СТРАХ МЕДВЕДЯ НА ВАСЮГАНЕ В СИБИРИ

Баланс отношений между медведем и человеком основывается на взаимном страхе. Страх лежит в основе допустимого или недопустимого поведения человека. Под недопустимым поведением понимается паника, которая расценивается как слабость. Поведение, направленное на подавление паники, является правильным. Одобряемое обществом поведение поддерживает баланс в отношениях человека и зверя. Однако страх между человеком и медведем является взаимным, и зверь тоже обеспокоен своим местом в этой иерархии. Нарушение зверем баланса является недопустимым поведением, и поэтому медведь-шатун и медведь-людоед осуждаются обществом и должны быть убиты; человек никогда не употребляет их мясо. Баланс между медведем и человеком является предпосылкой социального порядка: медведь наказывает человека за его грехи, но и человек может наказать зверя за свершенные им проступки.

Ключевые слова: ханты, Сибирь, Васюган, медведь, культурная антропология, поведение в отношении животных.

Когда в период моей экспедиции 2012 г., я приехал в западную сибирскую деревню, где проводил свои полевые исследования с 1992 г., я узнал, что спутница хозяина дома, где я останавливался, пропала в лесу. Она без сопровождения отправилась из центрального поселения, несмотря на все предупреждения, свой преклонный возраст, недостаточные знания местности¹ и слабое здоровье². Она намеревалась посетить место своего рождения – крошечное кочевое поселение в тайге, где на сегодняшний день нет постоянных обитателей. Не получив от нее известий в течение долгого времени, все принялись за ее поиски. Двое городских жителей (сыновья женщины) сначала в сопровождении двух охотников, а позже одного охотника с однозарядной винтовкой шли по следу женщины. Судя по следам, в пути (около 39 км) она дважды останавливалась передохнуть и затем, очевидно, заблудилась. В лесу на поисковую группу дважды нападали медведи, поэтому от дальнейших поисков пришлось отказаться. Слухи в деревне, казалось, были весьма обоснованны: вероятно, женщина случайно наткнулась на медведя, который убил ее.

До новостей об исчезновении женщины я слышал и читал³, что по реке Васюгану увеличилось количество медведей⁴. Их размножение само по себе представляло опасность, так еще и лесные пожары, бушующие в то чрезвычайно засушливое лето, сорвали медведей с привычных мест. Средства массовой информации и местные жители сообщали о регулярных нападениях и растущей угрозе со стороны медведей. Егерь, которого я встретил в первый день, сказал, что, по крайней мере, четыре медведя бродили вокруг центрального поселения; водители встречали их вокруг переправы через Васюган, и еще один медведь был несколько раз замечен на улице поселка в поисках пищи. Дом, где я жил, располагался на краю деревни, и за ним в лесу также были замечены медведи. По утрам хозяин дома регулярно замечал места, где медведь отдыхал, или находил следы своры собак, которая его преследовала. Охотник подстерегал медведя возле

¹ Она провела там свое детство, но затем переехала жить в город.

² Было несколько случаев, когда из-за своих слабых ног она не могла продолжать идти, и ее товарищи помогали ей добраться до дома.

³ Медведи в Томской области вынуждены питаться рябиной из-за неурожая других дикоросов (СОКИК, 10.09.2012, <http://www.sokik.ru/news-2405.html>, загружено: 16.11.2013).

⁴ Чрезмерное размножение медведей в Томской области – это процесс долгих лет. По причине, с одной стороны, крупных лесных пожаров, которые вынудили медведей мигрировать в эту область, и, с другой стороны, медведи в то же время находились под защитой: дорогие лицензии на охоту, высокий риск, также медвежья шкура не была слишком ценной, поэтому охотники редко охотились на них. Теперь органы, которые отвечают за поголовье медведей в регионе, должны разработать программу по их сокращению (В Каргасокском районе медведь убил человека (СОКИК, 03.11.2013., <http://www.sokik.ru/news-3715.html>, загружено: 06.11.2013)).

нашего забора. Ходили слухи о том, что в нашем районе медведь растерзал мужчину, который менял проколотое колесо. И, кроме того, тот же зверь напал на следующий проезжающий автомобиль.

После всех описанных происшествий на третий день я со спутниками отправился в упомянутое поселение в Тайге. Подготовка к поездке была полна дурными предчувствиями. Так, хозяин дома, который также был моим постоянным помощником в течение предыдущих 20 лет исследований, отказался нас сопровождать из-за своего преклонного возраста и пытался отговорить и нас. Он говорил, что поездка слишком рискованная из-за большего количества медведей и к тому же его зять недостаточно подготовлен, чтобы защитить меня, если на то будет необходимость. Нужно отметить, что сам хозяин дома весьма опытный охотник на медведей, и с ним я всегда чувствовал себя в безопасности. Тем не менее мы отправились в путь и после первых сотен метров обнаружили помет медведя, место его отдыха, его след и дерево, разломанное надвое. Все указывало на то, что медведь где-то поблизости. Во время нашего пребывания в лесу мы ни на минуту не забывали, что медведи где-то рядом. Мои товарищи также много об этом говорили.

Именно тогда я окончательно решил осуществить замысел, который у меня зрел с самого первого дня, проведенного мной в этом поселении в 1992 г. Я решил преодолеть свой страх путем преобразования отношений человек – медведь в научно-исследовательскую тему и написать диссертацию о медведях, а точнее, о страхах, связанных с медведями. Цель не в том, чтобы изложить на бумаге свои бесспорные, порой парализующие страхи, а в том, чтобы написать автоэтнографию, опираясь на свой собственный опыт; чтобы попытаться понять поведение местного населения, их отношение к медведям, которые регулярно влияют на их повседневную жизнь (об этом риске писал Розальдо, 1984: 193). Различий между нами в переживании чувства страха было больше, чем сходств: мне было интересно понять, почему местные жители реагируют на присутствие медведя иначе, чем я. Они были явно озадачены моим страхом. Это взаимное непонимание или желание понять главным образом проявляется в наших бесконечных разговорах о медведях и о первостепенной эмоции, связанной с ними, – страхе.

Полевые исследования

Я провожу свои полевые исследования по реке Васюгану⁵ в Западной Сибири в Российской Федерации уже более 20 лет, проведя в общей сложности примерно два года в поселке (Надь, 2006; Кулемзин, 2013). Сегодня Васюганский край в административном плане – Каргасокский район Томской области. Примерно в центре района расположено поселение Новый Васюган, а в его отдаленных окрестностях – поселок Озерное, сейчас официально без постоянных жителей. Когда начались мои полевые исследования, мужчины – члены хантыйских семей занимались рыбалкой или охотой, практически единственными ремеслами, приносящими семьям некий доход. В настоящее время мои знакомые хантыйские охотники стали слишком старыми или уже скончались, поэтому сейчас уже только женатые мужчины не ханты ходят на охоту, как правило, пополняя доход от основной работы. В течение нескольких десятилетий число васюганских хантов в области сократилось с подавляющего большинства до крайнего меньшинства (см.: Кулемзин, Лукина, 1977. Надь, 2007а, 2011). Это произошло в связи с интенсивным переселением масс населения во времена сталинской коллективизации и программы раскулачивания в 1930–1940 гг. Приток перемещенных переселенцев происходил в основном за счет представителей прибалтийских и немецких народов в 1940-х, а миграция, обусловленная началом добычи нефти, началась в конце 1950-х гг. Между хантами и нехантыйскими переселенцами отношения развивались по-разному. Все неханты в разговорном языке назывались русскими. Такие отношения повлекли за собой высокий уровень ассимиляции и проявление своеобразных форм идентичности и этнической принадлежности (Nagy, 2002; Надь, 2011). В результате васюганские ханты постепенно исчезают, растворяясь среди прибывающих русских и других нехантыйских

⁵ Река Васюган является левосторонним притоком Оби и расположена около 1 тыс. км к югу от устья Иртыша.

поселенцев (Jordan (2003: 46) допускает, что самое масштабное русское влияние сказалось на хантах по Васюгану, а также по Средней Оби и Салыму.).

Что касается отношения к медведю, я обнаружил, что в этом смысле нет оснований отделять хантов от местного населения в целом, поскольку в повседневной жизни они имеют много общего. Разницу в основном можно заметить лишь в очень определенных взглядах на мир, в частных аспектах поведения, в некоторых моментах, где идеология хантов значительно отличается от идей нехантского населения. Вследствие этого в статье я в основном буду описывать местное население как единое целое, но буду уделять особое внимание и основываться на хантах. Такой подход к изложению оправдывает то, что большая часть полученной мной информации пришла от хантов или людей, тесно связанных родством или дружбой с этим народом. Многие из опрошенных мной местных обучались основам лесной жизни именно под руководством хантов.

Во время полевых исследований я провел много времени в лесу в компании разных охотников, принимая к сведению их замечания по поводу различных следов, оставленных медведями; наблюдая за их поведением, когда они обнаруживали признаки присутствия медведя; фиксируя их разнообразные действия, связанные с медведем. Я был постоянным слушателем, участником и даже инициатором разговоров о медведях, слушал нескончаемое количество рассказов о встречах с ними. В своих полевых исследованиях и беседах я использовал русский язык: по Васюгану практически все говорят по-русски, даже те немногочисленные ханты преклонного возраста, которые знают хантыйский язык. Сейчас, к сожалению, встретить на Васюгане двух хантов, одинаково свободно владеющих хантыйским языком, кажется совершенно невозможным.

Более подробные тексты, приводимые ниже, составлены из записей, сделанных во время повседневных бесед и групповых интервью. Однако в некоторых случаях запись подобных историй происходила иначе. В лесу вряд ли найдется техника или исследователь, способные после 10 километров на лыжах при температуре ниже -40°C записывать рассказанные истории, отогреваясь при этом чаем. В таких случаях исследователю неизбежно приходится позже восстанавливать информацию, обращаясь к письменным заметкам. Я беседовал о медведях примерно с сотней человек. В этой статье приведены цитаты 12 ключевых информантов по данной теме. Выделенные курсивом цитаты были записаны мной, так что я не буду комментировать их отдельно.

В научной литературе по обским уграм медведю неизменно приписывается заметная роль. Также в исследованиях о медведе делается упор на сакральные аспекты этого зверя. Сакральность медведя является одной из самых частых тем в обсуждениях хантов (и манси, тесно с ними связанных)⁶, вполне очевидно, что медведь является важным центром в религии хантов, ключевым символом, который формирует весь религиозный менталитет хантов. Охоте в литературе уделяется меньше внимания и в основном описываются только ее технические аспекты, реже правовые (например: Кулемзин, Лукина, 1977; Адаев, 2007: 44–46; Sirelius, 1914). Рассказы охотников (сборники: Nagy, 2006; Надь, 2008) редко представлены в хантыйских фольклорных публикациях (например: Munkachi, 1892–1921, Кулемзин, Лукина, 1978), но иногда встречаются в языковедческих сборниках (Honti, 1986). Насколько я знаю, эмоциональный аспект отношения к медведю еще не рассматривался.

Эмоции

Моя работа базируется на концепции, что эмоции служат основой культурной картины мира постольку, поскольку они направлены на сохранение той или иной системы верований и ценностей, а также на установление определенных форм поведения личности в тех или иных ситуа-

⁶ Наиболее важная литература по этой теме: Barko-nagy, 1979; Чернецов, 1977; Головнев, 1995; Гондатти, 1888; Jordan, 2003; Rfnisto, 1977; Karjalainen, 1927; Кулемзин, 1984; Лукина, 1990а, 2013; Mandelstam-Balzer, 1999; Munkácsi B., Kálmán B., 1963; Молданов, 1999; Молданов – Молданова, 2000; Schmidt, 1989, 1990; Соколова, 1972. Краткий обзор исследований см.: Надь, 2006: 107–111.

циях. С точки зрения культурной антропологии эмоция рассматривается как область исследования повышенной значимости. Культурная антропология интерпретирует понятие эмоции в более широком смысле, чем психология, так как в данном случае под этим понятием подразумевается не личностный, аффективный процесс, а культурное (Jenkins, 1994: 100) или социальное (Lutz, White, 1986, and Lutz, 1988) образование, то есть эмоции воспринимаются не просто как биологическая реакция, вызванная каким-либо внешним событием-стимулом, но прежде всего как культурное явление. Эмоция является «в какой-то степени психической реакцией, которая также является частью моральной и идеологической системы; эмоции являются чувствами и в то же время познавательными конструкциями, которые связаны с личностью, действием и социальной средой» (Levy, Rosaldo, 1983: 128). Эмоция – это то, что интерпретирует ситуацию человека, или можно сказать, что эмоция – это «воплощенная интерпретация» (Levy, Rosaldo, 1983: 149).

В когнитивной теории (ср.: Markus, Kitayama, 1991) Леви (Levy, 1984: 214–236) эмоции явно организуют культурную структуру знаний: эмоция является неотъемлемым элементом в связующем процессе мыслей и действий. Эмоция – это элемент, который в ситуации вызывает тот или иной культурный сценарий. Или, говоря другими словами, влияние эмоции является моральным или практическим ограничением в значительной степени, ощущение, которое заставляет вас делать то, что предусматривает эмоция (Rosaldo, 1984). Эверилл рассуждает в том же ключе, он заявляет, что «эмоции можно рассматривать как системы верований или как схемы, которые управляют оценкой ситуации, организацией реакций и саморегулированием (интерпретацией) поведения» (Averill, 1988: 100). Лутц также подчеркивает ситуативность эмоций, утверждая, что эмоции, в сущности, являются процессом, предназначенным для управления связи между личностью и миром. «Эти в основном культурно-стереотипные взаимодействия являются социально созданными сценариями, которые люди усваивают и культурно интерпретируют» (Lutz, 1988: 212). Следовательно, эмоция определяет правильность или неправильность тех или иных действий в определенных ситуациях; эмоция помогает человеку структурировать свое поведение.

Термины, касающиеся эмоций и не только указывающие буквальный смысл, но и метафорический, под когнитивной моделью подразумевают модель, схему или сценарий. С точки зрения Харре (Harré, 1986), люди подчиняются определенным «локальным правилам» с помощью правильного использования слов, связанных с эмоциями, в разных культурах. Эти правила проявляются на четырех уровнях: 1) физические ощущения, 2) соматические проявления, 3) когнитивная оценка, 4) моральная оценка и соответствующие социальные формы поведения. Ковачеш связывает модель Харре с динамической моделью проявления эмоций, с событиями между начальными и конечными состояниями, разделенными на пять различных фаз: 1) стимул, 2) эмоция, 3) контроль над эмоцией, 4) потеря контроля, 5) действие. Он полагает, что под моральной оценкой Харре подразумевается то, что происходит в этапах 1) и 3), когда индивид оценивает события и эмоции согласно локальному моральному кодексу, а социальное действие проявляется в фазе 5), когда индивид осуществляет одно или несколько социальных действий в соответствии с эмоциями (Kövecses, 1990, 1997). В данной работе как раз последняя фаза – природа социального действия – находится в центре внимания.

Исходя из вышесказанного, основной задачей настоящего исследования является изучение различных форм поведения, вызванных чувством страха, а также выяснение того, какие сценарии считаются в рамках данной культуры правильными, аутентичными, какие же отвергаются как неприемлемые для данного общества.

Присоединяясь к Лутц, который говорит, что эмоция регулирует отношения между индивидами (Lutz, 1988), я также утверждаю, что эмоции регулируют общественные отношения. В моем примере страх служит для регулирования системы взаимоотношений человека и медведя. Может показаться бессмысленным интерпретировать отношения между человеком и медведем

в качестве социальной структуры, но в дальнейшем будет показано, что для этого есть все основания.

Медведь, человек и божество

При изучении взаимоотношений медведя и человека сразу бросается в глаза то, что медведь поразительно похож на человека. Это сходство проявляется как во внешнем облике, так и в поведении, привычках медведя. Люди, живущие на Васюгане, говорят, что медведь по внешнему виду очень похож на человека: стоя на задних лапах, он примерно такого же роста, как человек, его внутренние органы устроены почти так же, как у человека. Медведь «такой же, как мы, но у него есть когти. Если убрать его кожу, то человек и медведь становятся идентичными». Иной отметит, что медведь «очень похож на человека, но только он умнее и сильнее». Существует всем известная история о патологоанатоме, который должен был произвести вскрытие разлагающегося трупа, и ему потребовалось немало времени, чтобы понять, что это не человеческий труп, а труп медведя. У медведя такие же повадки, как у человека: он любит ходить на задних лапах; сосет палец, когда чувствует себя несчастным. Так происходит, когда он покидает свое логово – это состояние схоже с состоянием человека с похмелья: подавленный медведь выходит из берлоги, садится, сосет свои пальцы, ест кору сибирской фиолетовой ивы, о которой известно, что она снимает похмельное состояние (красноталь – *Salix acutifolia*), устраняет головную боль. (Подобно человеку, медведь лечит себя: он мажет смолой ели свои раны, грызет сосновый трут от боли в животе и ест мухоморы, чтобы набраться храбрости в брачный период.) Медведь плачет, когда ему грустно, или напевает, когда ему весело⁷, и часто забирается на высокую ель просто, чтобы удовлетворить свое любопытство. Он лакомится шишками с сибирской сосны так же, как это делают люди: собирает несколько штук, садится и шелушит шишки, чтобы добраться до семян, и ест только их. Темперамент медведя также похож на человеческий: он любопытный, склонен к боязливости (сердце медведя может остановиться из-за сильного испуга (ср.: Nagy, 2006: 145)); бывают добрые и злые медведи. Медведь может прощать, но может и напасть на того, на кого он рассержен.

Исключительное сходство между человеком и медведем также явствует из широко распространенных историй, в которых человек способен превращаться в медведя. Изначально медведь был хантыйским человеком, который, пройдя в густом лесу, разделся и перелез через дерево без единого сучка. Когда он перелез через дерево, он заметил, что стал медведем. Он стал искать ствол дерева, чтобы перебраться через него вновь, но не смог его найти. Медведь до сих пор ищет тот самый ствол дерева, который сможет превратить его обратно в человека (похожие истории: Лукина, 1990: 79–80; Кутафьев, 2000: 129). Другие истории связывают создание медведя и человека: Творец создал их в одно и то же время, медведь был первым появившимся существом, а затем Творец создал человека. Разница между ними заключается в минимальных телесных изменениях и способности говорить («И создал Господь Бог фигуру из земли с большим носом, ушами, с фигурой человека. Когда фигура была готова, Бог сказал: 'Говори!', – но фигура только рычала. 'Ну что ж, будешь медведем и будешь жить как медведь'. Тогда он создал новую фигуру из глины, человеческую, с нормальным носом, ушами, глазами и пятью пальцами. Когда вторая фигура была готова, Бог сказал: 'Скажи что-нибудь', – и фигура начала говорить на человеческом языке. 'Очень хорошо, будешь человеком и будешь жить как человек!'»).

Медведи обладают индивидуальностью, как люди. Животные, как и люди, имеют душу-дыхание (*ilt, lil*) и душу-тень (*iles, kurr*). Поскольку душа-тень, прежде всего *kurr*, неразрывно связана с человеческим образом, с человеческой формой, не случайно, что души медве-

⁷ О медведях часто отмечают, что они любят музыку: существует несколько историй о том, как медведи слонялись вокруг молодых людей, которые играли на гитаре, слушая их пение, и также им свойственно разбрасывать пустые жестяные бочки вокруг охотничьих домиков, просто из удовольствия, чтобы послушать их звон.

дя, который по внешнему облику похож на человека, имеют большое сходство с душами человека (ср. Адаев, 2007: 166–167; Кулемзин, 1984: 155–156). Ханты считают, что души медведей совсем как человеческие и, кроме того, медведь обладает способностью мышления, которую они связывают с действием другой души (*ñomes*) (к ним относят еще три типа животных, у которых души как у человека: олени, бобры и лебеди).

Следовательно, теоретически существует элементарное сходство между медведем и человеком, основанное главным образом на схожести душ, составляющих их личности. Тим Ингольд (Ingold, 1986: 247) считает, что животные не имеют личности в отличие от их владельцев, которые представляют примеры всех видов, потому что в рассказах они не персонифицированы и к ним не обращаются посредством личных имен (больше о концепте животных и их владельцев см.: Hultkrantz, 1961; 1965; Кулемзин, 1984; Lot-Falc, 1953; Munkácsi, 1892–1921; Paulson, 1961; 1968). Я солидарен с Виллерслефом, который не согласен с этим утверждением, он утверждает, что животные могут также иметь личность, которую они получают не от души владельца, а обладают ею сами по себе. В исследованиях области Васюгана можно найти только очень неопределенные и косвенные намеки на некоего творца – владельца медведей, в то время как каждый медведь описывается как отдельная личность с особым характером. Как уже упоминалось выше, некоторые медведи доброжелательные, некоторые агрессивные, а другие непредсказуемые. Это побудило Виллерслева (Willerslev, 2004) в Сибири (ср. также: Pedersen, 2001, чтобы узнать точку зрения хантов на одушевленные и неодушевленные вещи, см.: Jordan, 2003: 102–106) применить теорию перспективизма Вивейроса де Кастро (Viveiros de Castro, 1998), которую последний разработал в ходе своего исследования анимизма в Южной Америке. Он утверждал, что по причине идентичности душ другие виды смотрят и видят вещи, думают о мире, как люди, но только их точка зрения меняется в зависимости от вида⁸. Согласно этому мировоззрению медведь понимает человеческую речь и также может слышать и понимать мысли человека.

Эта концепция является основой для интерпретации отношений между человеком и медведем прежде всего как социальных отношений, возникающих в данном случае, скорее, между похожими друг на друга, чем различными участниками. В этих отношениях мотивации, чувства, образ мышления сторон, в сущности, тождественны, но при этом их углы зрения различны. То есть в момент встречи и человек, и медведь одинаково оценивают ситуацию, одинаково видят друг в друге противника, добычу или источник опасности. В этой системе взаимоотношений человек боится медведя точно так же, как и медведь боится человека.

Взаимоотношения медведя и человека в основе своей иерархичны, и эта рефлексированная иерархия проявляется в чувстве страха. В этой иерархии медведь стоит выше человека прежде всего благодаря преимуществу в физической силе, так как «медведь точно такой же, как и мы, только проворнее, сильнее⁹ и умнее¹⁰». От медведя нельзя убежать, потому что он быстрее; от

⁸ Вивейрос де Кастро интерпретирует это как своеобразную онтологию, которая отличает местную мысль от западного мышления. То есть эта онтология показывает, как унитаризм и мультикультурализм на Западе превращаются в уникаль-туризм и мультинатурализм; западная онтология обуславливает природу как однородное и единое, а культуру как разнообразное, тогда как перспективизм основан на духовном единстве и физическом разнообразии (Viveiros de Castro, 1998: 470).

⁹ Сила медведя не подлежит сомнению для хантов, так как они зачастую видят ее проявление в сломанных деревьях. Иногда медведь ясно показывает свою силу: однажды медведь, который только что убил оленя, был испуган охотниками с собаками. Медведь уронил добычу в воду, и та затонула. Люди тщетно пытались вытащить оленя на берег, даже с помощью веревки ничего не вышло. На следующий день на берегу нашли только кости оленя: ночью медведь вытащил его. «Он показал нам. Вы не могли вытащить его, а я смог, поняли?»

¹⁰ Ум медведя проявляется в различных ситуациях. Его охотничьи навыки демонстрируют его сообразительность; также признаком его интеллекта является то, что он чувствует, когда выпадет первый снег, и, как правило, за день до этого ложится в спячку. Медведь также чувствует приближение охотников («он знал, что они идут, он предвидел это на день раньше, он может видеть, что случится, в своих снах»). Также к его благоразумию относится то, что как только он проникает в охотничий домик, он съедает все продукты в мешках, пакетах и банках, но не трогает стеклянные бутылки, чтобы не порезаться.

него нельзя уплыть, так как он плавает лучше, чем человек; нельзя залезть на дерево, чтобы спастись от медведя, так как он взбирается вверх более ловко. Медведь понимает язык человека, но человек не понимает медвежий язык. Понимая намерения человека, медведь способен «замести свои следы», чтобы ни человек, ни собака не смогли его обнаружить. (Несмотря на то что роль собаки и охотничьих компаньонов не является незначительной. Здесь, однако, говорится о шансах одного человека.) Равноправие в отношениях восстанавливается при наличии ружья у человека. Встречаться с медведем без ружья считается безответственностью, тогда как с ружьем шансы обеих сторон не только выравниваются, но и увеличиваются в пользу человека. (Пожалуй, не случайно, что у северных хантов считается, что, когда герой после превращения в медведя разжевывает на части свое оружие и доспехи и плюет вокруг себя, эти части превращаются в зубы и когти, а доспехи превращаются в мех.)

Объяснение того, что медведь явно считается сильнее, чем человек, можно обнаружить в идеологии хантов, в которой медведя не только сравнивают с человеком, но и наделяют его божественными качествами: медведь «наполовину зверь, наполовину человек, наполовину бог» (Mandelstam-Balzer, 1999: 190). Иногда ханты воспринимают медведя как потомка Отца-Неба; различные божества могут принимать форму медведя, а сам медведь наделен сверхъестественными способностями (разные сакральные связи медведя и различные «медвежьи концепты», см.: Schmidt, 1990). Эти сверхъестественные способности нельзя сбрасывать со счетов даже при встрече с медведем из плоти и крови в лесу, а также эти сверхъестественные способности преобразовывают страх медведя в рок, кару или, наоборот, защиту. Хотя сегодня обычай поклонения медведю на реке Васюган не известен, но о медведе все еще думают как об исполнителе сверхъестественного наказания. Исчезновение женщины, упомянутое в начале, как многие полагают, является актом судьбы, сверхъестественным наказанием или исполнением предопределенной судьбы человека. Большинство людей утверждают, что на самом деле она вернулась на родину, чтобы умереть. Она отправилась в лес после того, как привела в порядок могилы своей семьи, и после этого она, очевидно, была готова к смерти, так как она почти не взяла с собой еды, одежда ее не была достаточно подготовлена для похода, и она тщательно заправила свою кровать и кровать хозяина дома перед уходом. Высказывалась и еще одна интерпретация: ее смерть была наказанием за то, что во время уборки могил своих родителей она разрушила огромный муравейник, что было явным проступком. В третьей интерпретации во всем виновата покойная бывшая жена хозяина дома, которая не позволяла ему заводить новую спутницу, за неповиновение она вызвала кончину женщины в лесу. Это свидетельствует о защитной роли медведя, подобно тому как охраняет хозяина череп медведя, хранящийся на чердаке, – обычай, который всегда упоминается не только у хантов (см. Schmidt, 1990).

В иерархических отношениях, установленных между медведем и человеком, страх как первичное чувство по отношению к медведю предлагает человеку приемлемые и неприемлемые сценарии действий. (Я определяю страх как решающее чувство, в дополнение к которому другие эмоции, такие как уважение или в некоторых случаях гнев или даже любовь, также могут быть приняты во внимание.) Общественно неприемлемым сценарием считается 1) паника, пассивность, другими словами, повиновение, подчинение себя иерархии. Тогда как соответствующим нормам, легитимным сценарием является 2) соблюдение почтительного расстояния друг от друга, осторожность или применение мер, не ведущих к насилию, что служит уравниванию, восстановлению иерархии; 3) сопротивление, нападение на медведя, что, в сущности, переворачивает иерархию, в то время как 4) игнорирование иерархии, любопытство, пренебрежительность, обращение в шутку, скорее, вызывает неоднозначную оценку.

1. Паника

При встрече с медведем страх часто парализует человека, в особенности если человек не вооружен или неопытен. Нередко описываются физические проявления чувства страха. Чаще все-

го это дрожь, озноб¹¹, но существуют и другие метафоры для описания чувства страха: «меня охватил ужас», «от страха у меня и шапка с головы слетела», «я бы упала замертво, если бы увидела его», «он просто стоял, кричал, плакал, вопил», «он чуть ли в штаны не наложил», «это был такой стресс для меня, по спине тут же пробежали холодные мурашки», «улыбка застыла у меня на лице».

Но страх характеризуется и как состояние оцепенения, от которого человек не в силах сдвинуться с места. Женщину, которая недавно столкнулась с медведем, парализовал страх, и она начала молиться, «когда приехал ее муж, она не могла произнести ни звука, она просто показывала ему, что медведь был тут».

Когда люди преодолевают паническое чувство, они не могут вести себя адекватно, как в следующей истории: человек перетаскивал обласок по лесу. «Лодка застревала несколько раз. Он выглянул из-под нее: там был медведь. Медведь потрогал лодку носом, лапой, ему было интересно, что это за штука. Медведь шел с ним бок о бок, след в след. Около лиственницы мужчина бросил лодку в медведя и залез на дерево, с ружьем, дуло он направил вниз. Медведь лег под дерево и уснул. Два часа спустя мужчина пришел в себя от испуга и понял, что у него ружье и патронная сумка. Он зарядил оружие и убил медведя».

Интересно сравнить приведенные выше примеры с утверждением Ковечеш о том, что в соответствии с основной концептуальной метафорой русского языка страхом является то, что захватывает, удерживает человека (Kövecses, 1997). Как упоминалось ранее, языком общения в этом районе является русский, поэтому вышеуказанные метафоры подчиняются правилам метафорического использования этого языка. Вместе с тем именно такой сценарий считается неприемлемым с точки зрения локального общества. (Целесообразно упомянуть теорию эмоций А. Heller (1978): она утверждает, что чем проще чувство, тем менее культурно оно определено. В этом случае паника может быть истолкована как биологически обусловленное чувство. Тем не менее я считаю, что уместно рассмотреть ее вместе со страхом – в связи со словоупотреблением, с одной стороны, – и также рассмотреть ее как неконтролируемую, чрезвычайную версию страха.) Когда кто-то действует именно так, местное общество пытается направить такое его поведение в правильное русло¹². Русский мужчина, женатый на хантыйской женщине, случайно наткнулся на медведя во время своей первой поездки в лес со своим тестем: «Он оставил своих собак на улице, привязав их рядом с охотничьим домиком, чтобы они не потерялись. Позже он заметил, что медведь бродил вокруг. Наступила ночь, он услышал шорох, медведь напал на трех собак, все три громко выли. Он выстрелил из окна, и пуля попала прямо в лоб. Медведь сразу погиб. Но охотник не выходил, боялся. Так боялся, что не выходил посмотреть на медведя до самого утра. Позже приехал Петька, его товарищ охотник, но даже вдвоем они не вышли. Петька сказал: «Я подстрелил медведя где-то здесь, но он убил всех собак». Они вышли утром. Пуля попала прямо в лоб. Медведь был немедленно убит». «Это было ужасно, мои глаза наполнились слезами. Я боялся, а что если он лежит раненый, поджидает нас? Я взвел курок, но мой тесть сказал, что это запрещено, медведь может уйти или может броситься на нас и как я тогда застрелю его?»

¹¹ «Когда я убил первого медведя, у меня руки начали немного дрожать. Вначале, когда я стрелял, не было никаких проблем, но, когда он упал с дерева, мои руки начали сильно дрожать. После второго они также дрожали. После третьего, четвертого, пятого они больше не дрожали».

¹² Само по себе отсутствие опыта, пожалуй, позволяет воспринимать паническую реакцию приемлемой – временно. Точнее, паника из-за отсутствия опыта заменяет презрение со стороны общества на насмешки и поучения. Мой несомненный страх они отнесли к отсутствию опыта. Для обеспечения искренней атмосферы для разговоров я никогда не отрицал своего страха перед медведем. Другим фактором, который упростил для них понимание моего страха, было мое объяснение, что там, где я живу, не существует медведей (превосходящая сила играет значительную роль в проявлении страха). Рассказы о том, что в нашей части мира лиса и шакал являются крупнейшими хищниками, всегда растворяли в смехе их подозрения, почему я так интересуюсь медведями. Я думаю, что словесных объяснений моего страха было бы недостаточно, поэтому я постарался не раскрывать свои волнения и не отказываться от любой поездки или охоты.

Я опустил ружье, но, конечно, мне было немного страшно. Да что там говорить, не немного. Я приблизился поближе к тестю, но он закричал: „Отойди сейчас же, он может напасть и убить нас обоих! Отойди на пять метров от меня. Если он схватит одного из нас, другой должен застрелить его“».

Того, кто выбирает несоответствующий сценарий, впоследствии осуждают, высмеивают, считают несерьезным человеком: выбор неприемлемой схемы действий воспринимается как признак трусости. Тем не менее разделительная черта между оцепенением из-за страха и осторожностью, внушаемой страхом, бывает размыта. Следующие истории позволяют рассмотреть различные трактовки: и слабость, и меры предосторожности. Охотника, который не покинул охотничий домик, чтобы проверить, есть ли поблизости медведь, а выстрелил из дома, можно назвать, скорее, предусмотрительным, в то время как человека, который подготовил ловушку для медведя, а затем оставил его выть в течение нескольких дней, из-за того что боялся посмотреть на медведя, осуждают. Несмотря на то что у молодого русского охотника было отличное оружие, он окаменел при виде медведя и бросился от него, так что хантыйскому охотнику, сопровождавшему его на охоту, пришлось убить медведя. Молодой человек был впоследствии признан некомпетентным для работы в лесу, и поэтому ему рекомендовали другие занятия в городе. Точно так же ханта, который часто бросал остальных в беде и просто убежал домой, когда медведь оказывался поблизости, не воспринимают всерьез. Я был несколько раз свидетелем того, что, когда такой человек пытался начать рассказ о медведях или охоте, другие грубо просили его замолчать, ссылаясь на его трусость или просто издеваясь над ним. Если нет убедительных доказательств чьей-либо трусости, но очевидно, что человек зачастую бывает слишком осторожен по отношению к медведю, его открыто не осуждают, только машут на него рукой и недосказанными фразами, намеками дают понять, что такого человека не стоит воспринимать всерьез.

2. Избегание конфликта

В основных концептуальных метафорах языка страх является силой, которая парализует, вызывает дрожь, слабость, пассивность. Подчинение чувству страха, очевидно, считается неприемлемым культурным сценарием, из этого следует, что все остальные действительные сценарии о подавлении этой реакции, о недопущении проявления пассивности или слабости рассматриваются как подходящие сценарии.

Нет сомнений, что даже опытные охотники боятся медведя. Один охотник-хант на мой вопрос о том, боится ли он медведя, ответил, как само собой разумеющееся: «Еще бы! Конечно, боюсь». На этот свой вопрос я часто получал ответ: «Естественно, боимся». Один из лучших охотников, уже покойный, также называл свой страх оправданием отказа выходить на охоту на медведя. («Я не знаю, что со мной произошло. Я не мог идти. Я испугался, появился жуткий страх, – сказал он. На следующий день он решил, что, возможно, ему приснился сон».) Вместе с тем они постоянно подчеркивают важность того, что страх не должен овладевать («Страх, дрожь никогда не охватывали меня. Но мы осторожны, знаем, чего можно ожидать») человеком и препятствовать выбору правильного сценария: «Вы знаете, как это бывает. Это скорее не страх, а инстинкт самосохранения. Да, инстинкт выжить. Только дурак не боится. Дурак не понимает ничего, ни страха, ни боли. Даже охотник, который убил много медведей, боится. Нужно действовать разумно. Вы не должны паниковать. Да. Вы должны быстро действовать в любой ситуации. Быстро, но спокойно. Вы не должны позволить нервам вывести вас из строя».

Другой охотник объяснил, что делать, если приходится застрелить медведя: «Не спешите. Вы можете увлечься, но вы должны успокоиться. Вы должны занять твердую позицию, лучше всего сесть на одно колено. Вы не должны бояться, но, может быть, почувствуете внутреннее волнение».

Самое главное – преодолеть пассивность и правильно действовать: «Я слышал все эти истории о медведях от своего отца. Он был настоящим охотником, и он воспитывал меня так, чтобы

я тоже стал охотником. Что бы ни случилось, охотник не должен бояться, но должен знать, что делать».

Отношения между человеком и медведем находятся в шатком равновесии и заключаются в том, что и человек, и медведь стремятся избегать друг друга. Царство медведя и царство человека фактически представляют собой параллельные миры. Они сосуществуют, используя одни и те же средства – охоту, и получают идентичную добычу. Их миры постоянно пересекаются. Как правило, медведь бодрствует ночью, а человек днем. Блуждая по охотничьим тропам, охотники внимательно исследуют медвежьи следы, неоднократно пересекающие человеческую тропу, а на следующий день обнаруживается, что медведь таким же образом изучал следы человека. Местные жители верят, что в лесу есть два хозяина: человек и медведь, причем последнему присваивается главенствующее место, так как считается, что дикий зверь может в любой момент напасть на человека и убить его, впрочем, такое случается крайне редко («Говорю тебе, я, бывало, ночевал в лесу, и не только в охотничьей хижине, а в палатке... да, в палатке тоже приходилось. Для медведя проникнуть в палатку – дело плевое. Конечно, случается, что он влывается через окно и залезает внутрь. Он голоден. В этом жилище и там, где мы с тобой побывали, все было в порядке, они не причиняли неудобств, их там и в помине не было»). В конечном счете настоящим хозяином леса, по мнению местных жителей, является медведь (этим можно объяснить поверье, что сны, в которых фигурирует медведь, предвещают разговор с более высокопоставленным лицом). Человек и медведь непрестанно следят друг за другом, но при этом избегают встречи лицом к лицу: «Мы можем пересечься на охотничьих землях, но я не буду следовать по его следам, так как сразу два охотника находятся в одном месте. Это хозяин леса, а мы лишь его гости. Как бы лучше сказать... мы соперники и не жалуем друг друга на наших охотничьих угодьях».

Уважение – это один из основополагающих факторов, на котором строятся отношения между человеком и медведем; человек уважает хозяина леса и верит, что это уважение взаимно («Они тоже уважают наши охотничьи угодья»); основную идею такого сосуществования можно сформулировать следующим образом: «Я позволю ему идти своей дорогой, а он разрешит мне идти моей»¹³. Эта фраза часто приводится, когда речь заходит о сосуществовании человека и медведя, даже в случаях, когда они встретились, но разошлись мирно. Мой знакомый хант собирал сосновые шишки недалеко от села Озерного. На тот момент медведи были сытые и не ввязывались в ненужные конфликты. Блуждая по сосновому лесу, он внезапно увидел медведя, который, в свою очередь, тоже заметил непрошеного гостя. Человек схватил ружье, а зверь встал на задние лапы и заревел. Мужчина не решался выстрелить, видя, как медведь тоже мешкает нападать. Он поразмыслил: зачем мне его убивать, раз я сыт и он на меня не нападает? Охотник обратился к медведю: «Батюшка медведь, я не хочу причинять тебе зла, но и тебе не следует трогать меня. Иди своей дорогой, а я пойду своей». Медленно пятясь, он начал удаляться от медведя, а тот, в свою очередь, опустил на все четыре лапы и скрылся в сосновом лесу. Такое мировоззрение присуще не только хантам, среди русских также часто проскальзывают подобные высказывания («Он перекрестился: ты пойдешь своей дорогой, а я своей, и они удалились друг от друга»).

Люди чувствуют себя спокойно, находясь по соседству с медведем, которого они давно знают и который «знает» их, при этом ни человек, ни медведь не проявляют враждебности по отношению друг к другу. В 2012 г. охотники чувствовали себя в Озерном как у Бога за пазухой, так как

¹³ «Вот уже на протяжении многих лет медведь обитает у истоков реки Ершовки. В первый год он оставлял отметины на деревьях на уровне груди. Потом чуть выше. А теперь очень высоко. Он бродит в этих местах и непременно обнюхает палатку, раскидает утварь и съест все, что только сможет найти. Я думал, что он разорвет палатку, но этого не случилось. Медведь пришел сюда осенью, уже выпал снег. Отчетливо был виден его след, ведущий на юг. Мы оставили друг друга в покое: 'Позволили каждому идти своей дорогой'».

в окрестностях деревни уже много лет обитала огромная медведица, охраняющая территорию от посторонних заблудших медведей, которые могут стать агрессивными и непредсказуемыми в поисках охотничьих угодий. Медведей, обитающих рядом с поселениями, люди воспринимают как защитников, их часто называют «пастушьими медведями» или просто «нашими пастухами». «Пастухам» нельзя причинять вред, так как это повлечет за собой неудачу. Когда такой «пастух» погибает, другой медведь непременно воспользуется ситуацией, причиняя огромный ущерб съестным запасам поселения, а иногда даже убивая людей («Не убивай медведя рядом с деревней! А иначе другой медведь начнет охотиться за тобой и твоими припасами. Лучше просто избегай его»). Я услышал это в соседнем поселении после того, как там убили медведя и на его место заявился другой косолапый, который начал нападать на людей и домашний скот. Упорные попытки найти медведя закончились неудачей – зверя и след простыл). Опасность конкретных медведей также устанавливается согласно категориям свой – чужой: поведение местных бурых медведей довольно предсказуемо, а черные медведи, которые пришли из других земель, ведут себя агрессивно и непредсказуемо («Наш бурый медведь предпочел бы уйти прочь, но этот черный настроен агрессивно и даже нападает на оборудование»). Хотя зоологи рассматривают бурых медведей как один вид, местные различают целых три вида. Самый маленький – это медведь-муравьед (хантыйский: kotŋi iχ, производное от «муравей»), который обычно разрывает муравейники и ест муравьев, как правило, у него белая шея. Красно-бурый медведь (хантыйский: wöŋte-punow iχ – ‘медведь с красной шерстью’) был так прозван из-за окраса своей шерсти, он весит порядка 200 кг; черно-бурый медведь (хантыйский: röχte-punow iχ – ‘медведь с черной шерстью’) самый крупный (300–500 кг) и наиболее агрессивный. Говорят, что черно-бурые медведи пришли из Алтайского региона, в то время как медведь-муравьед со временем вырастает в красно-бурого медведя).

Миролюбивые соседи приветствуются, но звери, которые таскают припасы и вламываются в дома людей, могут нарушить существующий порядок и поэтому признаются «буйными». Таких медведей выслеживают и убивают («Если он найдет какое-нибудь лакомство дома, то пиши пропало – будет наведываться сюда каждый год. <...> Если он напортачит, то надо сразу же это пресечь, так как это губительно для охотника»). Предусмотрительность обуславливается страхом – важнейшим фактором в поддержании хрупкого баланса между человеком и медведем. Когда люди навещают соседей в Озерном, зачастую преодолевая расстояние в несколько сотен метров, то с собой они обязательно берут ружья, объясняя это тем, что в любой момент медведь может появиться из леса. Я слышал много историй о том, как медведь заставлял врасплох небооруженных людей, и, хотя люди отделялись лишь испугом, впредь они зарекались ходить без оружия («С ружьем мне сам черт не страшен. Как бы то ни было, у меня достаточно времени, чтобы выстрелить в него дважды. Пока ты до леса добежишь, я уже успею выстрелить в тебя дважды. С тех пор я всегда хожу за водой с ружьем: деревянное коромысло, два ведра и ружье»). Как упоминалось ранее, отношения между медведем и человеком регулируются при помощи оружия, без которого вообще нецелесообразно контактировать с медведем, но, вооружившись ружьем, «можно драться с ним на равных».

Также в целях предосторожности люди заряжают свои двуствольные ружья по-разному: один ствол мелкой дробью, в случае если подвернется тетерев, а другой – пулей «на всякий пожарный» (меры предосторожности, связанные с медведем, нередко объясняются фразой с немного загадочной интонацией: «на всякий пожарный»). Подобные меры соблюдаются во время охоты и рыбалки. Хозяином дома, где я остановился, был пожилой человек. Когда он чистил рыбу, то не выбрасывал внутренности и чешую, а относил их на съедение чайкам к озеру неподалеку, и все для того, чтобы запах рыбы не привлек медведей. Его зять, который в последнее время часто наведывался в Озерное, не следовал этим правилам: оставлял внутренности на берегу, выплескивал воду с кровью прямо у дома, оставил убитую за причиняемые неудобства сойку на стоге

сена. Среди всех людей, которые мне повстречались, мой пожилой хозяин убил больше всего медведей и всегда был настороже. На ночь он запирает дом и делает это не для того, чтобы огордиться от людей, а чтобы защититься от медведей: слух у старика был уже не таким чутким, и поэтому он мог не услышать лай собак, но шум, с которым медведь вламывается в дверь, наверняка его разбудит и позволит надлежащим образом встретить непрошеного гостя. Во дворе у хозяина всегда имелся топор: чтобы можно было дать отпор, если нагрянет медведь. В домике, который располагался на приличном расстоянии от основного жилища, имелись вилы для защиты, если медведь решит туда наведаться. Хозяин считал, что мне необходимо знать о всех этих мерах предосторожности, и рассказал о них в день моего прибытия, чтобы подчеркнуть всю их важность (безусловно, поначалу это предупреждение вселило в меня ужас, но потом натолкнуло на мысль написать труд о взаимоотношениях человека и медведя).

Когда местные жители отправляются в лес на охоту или за чем-нибудь еще, то берут с собой собак, чтобы узнать о приближении медведей. Когда охотники перебираются на новое место, то впереди себя пускают собак, а сами внимательно ищут следы. «Глупый» и «безответственный» – такими нелестными словами назовут того, кто отправится в лес без сопровождения хорошей собаки (хозяин высказался против моего похода в лес осенью 2012 г., аргументируя это тем, что собака его зятя была глупой и никчемной. Кроме того, у парня было одноствольное ружье, которое не давало шансов, если первый выстрел не достигнет цели). Во время путешествий по незнакомым местам или когда известно, что где-то поблизости бродит медведь, рекомендуется брать с собой две собаки: одну держать на поводке, а другую отпускать прочесывать местность. (Они были с Нимчиновым. Он сказал ему: «Отпусти одну собаку, а вторую держи на привязи. Та, что на свободе, будет бегать вокруг дома и людей и сможет учуять медведя. Если обе собаки на привязи, то он одним махом достигнет тебя».) Местные жители с большой осторожностью выбирают место для ночевки в лесу. Когда дует северный ветер, то медведь, вероятнее всего, нападет с противоположного направления, с юга, так что человек не сможет его почуять, поэтому собака занимает свое место с южной стороны. Я осознал всю важность собак во время охоты, а также всю серьезность мер предосторожности, когда вылазка с целью поохотиться и порыбачить, которая по плану не должна была занять много времени, в итоге продлилась два дня. Вечером мы добрались до охотничьей землянки. Проводник-хант подготовил хижину, запер дверь и подпер ее балкой, утверждая, что раз с нами нет собаки, то мы не сможем заметить приближение медведя (в тот день мы слышали приглушенные звуки в лесу, источником которых, вероятно, был медведь), а балка сдержит первый натиск медведя, если тот попытается вломиться в дом. Заряженное ружье он повесил на гвоздь у своей койки: если зверь прорвется внутрь, то охотник выстрелит в упор. Перед тем как отправиться спать, он положил топор под мою подушку (которую я сделал, сложив пальто) и сказал, что если у ружья произойдет осечка – чего раньше никогда не бывало, – то я должен буду ударить зверя по голове, и он показал мне, как это сделать. Лишь обезопасив себя таким образом, охотник отошел ко сну (в отличие от антрополога, который был не в состоянии спокойно уснуть).

Неотъемлемой частью «медвежьих» мер предосторожности является поверье, согласно которому медведь не должен упоминаться вслух. Охотники, говорящие на хантыйском, используют эвфемизмы, которые можно перевести как «батюшка зверь» и «зверь брат», однако из-за того что главным языком общения является русский, то чаще всего используется местоимение «он» или просто слово «зверь». Нередко медведя называют «Мишкой» или «Дядей Ваней». Несмотря на все это, нередки случаи, когда местные жители использовали настоящее имя медведя без каких-либо предосторожностей. Я не могу судить о том, в какой степени иностранное слово является табу для русскоговорящих пожилых хантов.

Когда, несмотря на все меры предосторожности, медведь и человек встречаются лицом к лицу, то можно наблюдать впечатляющие сцены демонстрации власти. Как правило, медведь не

сразу нападает на человека, а поднимает свои передние лапы, громко сопит и прыгает или просто встает на задние лапы и рычит, чтобы напугать своего противника. Если человек не хочет стрелять в медведя, то должен ответить аналогичным образом. В таких ситуациях нужно стараться выглядеть как можно больше, поднять пальто или рюкзак над головой¹⁴, а также издавать громкие звуки, чтобы напугать медведя. Существует бесчисленное количество историй про то, как медведя удавалось отпугнуть грохотом металлической посуды¹⁵, ударами топора о дерево¹⁶, выстрелами в воздух, громкими криками. Ханты утверждают, что эффективнее всего кричать на хантыйском, так как медведи понимают только этот язык. На зверя следует материться, использовать в его адрес ругательные слова: это позволит отогнать медведя подальше от людей¹⁷. Важно, чтобы звук был громким и продолжительным. Также крайне важно не провоцировать зверя: нельзя смотреть ему в глаза, что мгновенно воспринимается как провокация и вынуждает его атаковать. К тому же не следует убегать, поворачиваться к медведю спиной или иным образом демонстрировать свой страх – разумней скрывать его. Местные жители объясняют это следующим образом: медведь должен уважать тебя, а не расценивать как соперника или добычу. Между двумя сторонами должно сохраниться шаткое равновесие, основанное на взаимоуважении. Под этим подразумевается, что люди не должны соперничать с медведем. Обнаружив отметину на дереве, которую медведь оставляет для того, чтобы пометить свою охотничью территорию, и по которой можно судить о высоте зверя, охотник должен вести себя очень осторожно. Бытует мнение, что если человек и медведь вступают в конфронтацию и зверь видит, что человек оказался выше его ростом, то в знак уважения он покидает эти охотничьи земли. Если же явно победит медведь, то охотник обязан признать его превосходство: он не должен стрелять и впредь должен обходить это место стороной (похожую историю, случившуюся вдоль реки Васюгана, описала Н. В. Лукина (1978: 154)). Однако многие расценивают такое поведение как необдуманное, и существует множество историй, доказывающих, что медведь воспринимает эти действия как вызов и мстит охотнику¹⁸.

3. Убийство медведя

В большинстве случаев стычки между охотником и медведем заканчиваются тем, что охотник убивает зверя из ружья. Такое развитие событий предстает наиболее очевидным и целесо-

¹⁴ «Гриша отправился за клюквой. Внезапно он оказался лицом к лицу с медведем. Зверь уставился на него и фыркнул. Гриша поднял свой ранец над головой и застыл. Когда он попробовал пошевелиться, то медведь тут же зарычал. К счастью, подоспели его товарищи с ружьями и застрелили медведя».

¹⁵ «Я продолжал грести веслом. Короче говоря, я греб и в то же время стучал бутылкой по тазу. В лодке: бом, бом. Я подумал: черт побери, только бы не перестараться, а то чем я стучать буду, если бутылка разобьется?»

¹⁶ «Павел вышел нарубить дров, с собой у него был только топор. Медведь гнался за собакой и приближался к нему. Павел начал бить топором по дереву, крича, браня медведя, который в итоге ушел».

¹⁷ «Отец говорил, что если на тебя несется медведь, а ты без ружья, то нужно начать ругать его по матушке. (...) Я греб в лодке по направлению к лугу. Посмотрел и увидел: он сидит там. Окраска черная с красным, а на лапе черная полоска, я только потом разглядел. Так вот он сидел там, черт, вот как пить дать на меня пойдет. Это было на берегу ручья. Он же меня на кусочки разорвет, как назло у меня с собой не было ружья. Я остановил лодку веслом. Пес уставился на него. Ну же, давай, я кричал, ругался на него, а он и с места не сдвинулся. Затем он поднялся, он стоял, а я кричал. Между нами было 25 метров, или чуть больше. Черт с ним, подумал я, он куда не уйдет. Я ругался, кричал, выл. Внезапно он встал и шмыг в кусты. Нас отделяло всего каких-то три-четыре шага, но он скрылся в зарослях кустарника».

¹⁸ «Медведь метит свою территорию, оставляя царапины на деревьях. Помимо этого, он регулярно обходит свою территорию. Как-то охотник, которому принадлежали эти угодья, наткнулся на медвежьи следы и пошел по ним, попутно делая отметины на деревьях выше, чем их оставил зверь. Потом медведь возвращался и делал царапины еще выше, однако то же самое делал и охотник. Это повторилось еще несколько раз, и в конце концов медведь напал на охотника и убил его.

– Значит ли это, что они стали соперниками?

– Да, видишь ли, все дело в территории... Он дал понять, что это его территория. А охотник ставил отметины все выше. Ему не следовало так поступать. Если делать отметки ниже тех, которые оставил медведь, то можно не опасаться, что он нападет».

образным в связи с тем, что поведение медведя сложно предсказать. Практически все медведи потенциально опасны: *«Каждый из них опасен. Взбредет ему что-то в голову, и ни с того ни с сего он станет опасным. Некоторые из них на вид довольно спокойные, но голод любого зверя делает свирепым».*

Непредсказуемость является главным фактором. *«Вообще говоря, медведь животное умное. Он не хочет ввязываться в ненужные конфликты. Но в то же время медведь крайне непредсказуем. Никогда не знаешь, в каком он находится настроении. Он может с одинаковой вероятностью быть спокойным или диким, раненым или голодным».* По словам другого охотника: *«Это одно из самых непредсказуемых животных. Вот он ведет себя мирно, а в следующий момент он нападет на тебя».*

Существует два варианта того, как может закончиться встреча человека и медведя: либо медведь убивает человека, либо человек побеждает медведя («Так, значит, ты всегда стреляешь в медведя при встрече?» – «А вдруг он накинется на тебя?»). Ситуация, когда медведь нападает на человека или когда его присутствие подразумевает риск нападения, нарушает хрупкий баланс между двумя сторонами, а также, как будет видно далее, нарушает правила. Это объясняет действия человека: страх перед агрессией со стороны медведя вынуждает прибегать к силовым методам.

В хантыйской культуре существует кажущееся противоречие между явно существующим фактом охоты на медведя (охота на медведя ведется не только ради того, чтобы устранить соперника; присутствует также и экономическая польза: мясо медведя съедают, а жир и желчь используют при производстве лекарственных препаратов) и запретом на нее по религиозным соображениям (правило, существующее лишь в теории). Противоречие заключается в следующем: ханты допускают охоту на медведей в нескольких случаях. Несмотря на то что медведь священное животное, он в то же время был создан для того, чтобы служить людям. «Одновременно священный и мирской медведь явно принадлежит к миру смертных» (Mandelstam-Balzer, 1999: 68). Он наблюдает за человеком и наказывает его за грехи. В то же время и человек имеет влияние на мир медведя. Когда зверь нарушает правила, установленные Небесным Отцом, то человек получает право убить его. Более того, это право не только допускается, но обязательно к исполнению в случае, если медведь нарушает правила. В основе этих принципов лежит миф, согласно которому Небесный Отец приказал своему сыну жить мирно и атаковать лишь тех людей, которые совершают преступления или показывают неуважение, однако голод оказался важнее, и вскоре медведь нарушил свое обещание, что наделило людей правом охотиться на медведей. Таким образом, если охотник выходит на след медведя, то считается, что медведь добровольно дал себя выследить и готов умереть. Это великая честь, и если охотник не сможет убить зверя, то жестоко поплатится за это – медведь разорвет его на куски (Mandelstam-Balzer, 1999: 190). Ханты, живущие на реке Югане, также верят, что медведь, чьи следы или берлога были обнаружены, должен быть убит. Это не значит, что охотник, заметивший присутствие медведя, должен непременно убить его; он может продать это право другому охотнику, но ни в коем случае не должен держать это в тайне. Эти правила не действуют в районе реки Васюгана. Тут не каждая встреча должна заканчиваться убийством медведя. Допускается, что охотник, заметивший медведя, сохраняет ему жизнь, а медведь, который «не показал себя», может стать целью охотников (есть случаи, когда медведь обязательно должен быть убит: «Охотясь на медведя зимой, необходимо всегда убивать зверя, потому что если медведь не отправился в спячку, то вполне вероятно, что это медведь-шатун»). Охота на медведей может осуществляться без специальных разрешений, могут применяться ловушки, а в начале XX в. на медведей устанавливались тяжелые капканы.

Наиболее непредсказуемыми являются случаи, когда человек случайно встречается с медведем и убивает его в одиночку. Большой авторитет моего хозяина объяснялся тем, что в течение

своей жизни он убил множество медведей, некоторых из них в одиночку. Молодые охотники часто упоминали эту деталь, когда говорили о нем.

Престиж охотника тесно связан с охотой на медведя. У хантов, живущих на Васюгане, не существует торжественных обрядов инициации, однако мужчина не может считаться полноценным охотником, если он не убил медведя или, по крайней мере, оленя (охота служила обрядом инициации задолго до прихода русских: при рождении плаценту подвешивали с миниатюрным луком и стрелами в священном месте; образ стрелы или лука во сне предвещал рождение мальчика; юноша становился мужчиной после того, как он убил свою первую крупную дичь (медведя, оленя); подобный символизм играет огромную роль в похоронных обрядах: мертвыми признаются те, кто больше не способен охотиться, и оружие, включая лук и стрелы, является обязательным среди предметов, которые помещают в могилу (Nagy, 2007б)).

Поэтому местные не могли взять в толк, почему я не только не носил с собой оружия, а вдобавок еще не умел им пользоваться. Все считали, что я просто обязан научиться стрелять, отвергая мои доводы против огнестрельного оружия, основанные на западных либеральных идеях, и утверждая, что медведь не станет слушать мои объяснения. В действительности только мой статус иностранца, их терпимость к моей непохожести и продолжительные отношения между нами спасли меня от сурового осуждения, хотя при этом они неоднократно отмечали мою беспомощность.

При встрече с медведем важно целиться в нужное место. Лучше всего стрелять в позвоночник – это хоть и не убьет зверя сразу, но обездвижит его, что облегчит задачу охотнику.

Когда охотник находится в непосредственной близости от медведя, то целиться следует в сердце, ниже лопатки, что приведет к неминуемой смерти. В случае если пуля попала в легкое, зверь разорвет человека на кусочки. Когда медведь стоит на задних лапах, опять-таки рекомендуется целиться в сердце. Когда медведь бежит к охотнику, тот пытается выстрелить зверю в голову, желательно в наиболее мягкую и уязвимую область (например, в область глаз), так как у медведя такой крепкий лоб, что пуля не причинит никакого вреда. Когда зверь рухнет на землю, желательно выстрелить в него еще раз, так как возможно, что первая пуля попадет в кость, и позже медведь сможет прийти в чувство.

Для охоты на медведя летом требуется тщательная подготовка. Чтобы обмануть чуткое обоняние медведя, некоторые отправляются на охоту босиком. Также важно тщательно проветрить одежду и отказаться от курения, иначе медведь почувствует присутствие человека. Во время охоты, особенно когда охотник один, собака является неоценимым помощником, так как почувствует медведя гораздо раньше (на медведя собака лает более низким тоном, чем на другую дичь, поэтому его легко распознать. Кроме медведей таким же образом собаки реагируют только на людей), а также может внести значительный вклад в схватку, жертвуя собой ради хозяина («Хорошая собака скорее умрет, чем подпустит медведя к своему хозяину»). Собаки, которые боятся медведя, не участвуют в охоте, так как могут создать опасную ситуацию при встрече со зверем: испуганная собака прячется за ногами или между ног хозяина, мешая тому защищаться («Она заползет между ног и будет стоять там как вкопанная»). Иногда щенков оставляют в медвежьих берлогах или в собачью конуру подкладывают кусочек медвежьей кожи – так собака сможет узнать, как пахнет медведь. Таким образом можно выяснить, как собака будет вести себя при встрече с медведем. Был случай, когда у собаки, которую швырнули в берлогу, от ужаса остановилось сердце. Когда пес ведет себя надлежащим образом, то он может в одиночку задержать медведя, атакуя его икры, ягодицы и гениталии, непрерывно прыгая вокруг, против чего медведь бессилен. Собака также может вскарабкаться на спину и укубить его за шею. Такое положение самое безопасное для собаки, так как медведь не может до нее дотянуться.

Хорошая охотничья собака (часто имена таких собак обозначают их принадлежность к медвежьей охоте: *iħ ku* – 'охотник на медведя') может заставить зверя сесть, нападая так неистово, что

он облокачивается на ствол дерева и садится в попытке отогнать собаку. Также проворный пес может загнать медведя на дерево. Вдобавок охотничья собака может помочь хозяину, либо заманивая медведя, либо отгоняя его («Собака может спасти тебя, даже если ты лежишь на земле. Обычно шерсть летит во все стороны, так неистово собака терзает медведя. В это время человек может дотянуться до ружья и выстрелить. Изнуренный битвой медведь попытается убежать, и собака последует за ним. Когда хозяин падает с ног, верная собака приходит в ярость. Если бы он не был так измотан противостоянием, то непременно снова накинулся бы на медведя»).

Как правило, охота на медведя является коллективной деятельностью. Чаще всего медведя убивают, когда он дремлет в своей берлоге. Это традиционный метод – с копьями и стрелами – широко освещается в литературе (дополнительная информация, см.: Кулемзин, Лукина, 1977: 13–31) и до сих пор используется («Когда во время нападения медведь встает, то ты должен ударить его копьем в грудь. Зверь начнет тянуть копьё, пытаясь избавиться от него. Следует вонзить копьё неглубоко, однако при этом оно не должно легко выходить. Нужно, чтобы копьё находилось под углом к тебе. Медведь продолжит давить на копьё, кусать его ствол. Он приближается к тебе. Если и ты будешь давить, то копьё выпадет. Нужно позволить медведю пронзить самого себя. Яростно приближаясь, он скоро прикончит себя. Сначала надо держать так (показывает как), в противном случае зверь собьет его лапой. Первоначально копьё лежит на земле, медведь не видит его, а в следующий момент вонзи его прямо в сердце. Он поймает копьё своей лапой. Дави, но не сильно. Так говорил мой отец»). Однако сегодня используются ружья. Охотники засовывают в берлогу березовые колья, тем самым пробуждая зверя ото сна и приводя его в ярость, а затем они стреляют в медведя, пока тот не испустит дух. У входа в берлогу втыкаются колья, чтобы замедлить движение медведя, и охотники занимают позицию поодаль: если медведь вырвется и кинется на одного из людей, другие успеют пристрелить зверя. Нужно сохранять осторожность даже после того, как медведь был убит: в берлоге могут остаться детеныши из последнего или прошлогоднего помета, а также молодая самка, которую называют медведицей-сиделкой. Медведь – сообразительное животное, поэтому зачастую не так-то просто отыскать его берлогу. Медведи подготавливают берлогу до первого снега – «каким-то образом он чувствует, когда пойдет снег». Стоит только выйти на его след, и день спустя уже ничего будет не найти из-за выпавшего снега. Ханты утверждают, что медвежьи берлоги всегда расположены входом на север, для того чтобы уберечься от жары весной, когда солнце начинает светить теплее, а также с целью предотвратить попадание слякоти и грязи в берлогу. Северное направление также помогает спастись от ветра, который наносит снег в берлогу, закрывая вход. Внутри медведь делает кровать и подушку из мха. Я слышал, что некоторые васюганские мужчины, которые заплутали летом в лесу, ночевали в покинутых медвежьих берлогах. Это было удобнее любого убежища из веток.

Порой медведь может напасть на безоружного человека или на того, кто не успел достать ружье. Самое главное в таких случаях – это сделать что-нибудь, что удивит медведя. Существуют истории, рассказывающие о чудесном спасении охотников. Некоторые герои этих рассказов умудрились убежать от медведя («Медведь загнал его в ловушку, но его спас ручей, который протекал рядом. Это случилось весной, когда вода была холодной. Зверь разорвал ему рот, вывернув его наизнанку (показывает), с тех пор он калека, у него обезображенный рот. Он нырнул в тот маленький ручей. Он хотел выжить и не обращал внимания на ледяную воду. Проплыв немного вниз по течению, он вынырнул. Медведь искал и искал, но так и не смог обнаружить его и ушел восвояси. Вот так благодаря воде он сохранил себе жизнь»), другие с готовностью встретили зверя, демонстрируя необычайное хладнокровие («Человек убил медведя голыми руками. Зверь набросился на него, разверзнув пасть. Но охотник не растерялся, выставил вперед руку и схватил медведя за язык. Не давая зверю вырваться, он вонзил нож прямо ему в сердце. Медведь умер, но успел изрядно обгрызть руку охотника»). Мои знакомые считали, что газовый

баллончик, который я носил в кармане, тоже может оказаться весьма кстати. Однако большинство стычек с медведем заканчиваются не столь удачно. Медведь обезобразил лица двух моих друзей с Васюгана; благодаря выстрелу, сделанному в последний момент, у раненого медведя оставались силы лишь на один удар, в это время другой охотник подоспел на помощь, вызволил товарища из лап зверя, нанеся сзади удар топором. Медведь не смог убить человека из-за того, что его челюсть была сломана ранее во время брачных игр.

Из-за проблем с зубами, травм, голодного лета некоторые медведи не могут набрать достаточно жира на зиму, чтобы продержаться до весны, и по этой причине не впадают в спячку. Такие медведи ведут себя совершенно непредсказуемым образом: зимой сложно найти пропитание, и они становятся агрессивными и жестокими, кидаясь на все на своем пути. Летом, прежде чем напасть на человека, медведь встает на задние лапы, а лишь затем атакует (согласно объяснению, которое получила Мандельштам-Бальзер, медведь спрашивает Небесного Отца, следует ли ему пощадить человека (Mandelstam-Balzer, 1999: 67)), но так называемый медведь-шатун сразу несется на человека, не поднимаясь перед этим на задние лапы.

4. Борьба со страхом

Пренебрежение тонким балансом отношений между человеком и медведем является довольно распространенным, хотя порой и осуждаемым явлением. Вероятнее всего, любопытство вынуждает охотников тайно следить за медведями. И, хотя при обнаружении следов медведя следует держаться от этого места подальше, люди часто идут по следам, чтобы выяснить, куда они ведут. Конечно, для хантов, которые живут охотой в лесах, чрезвычайно важно изучать поведение животных, однако ими движет и вполне обычный интерес. Они наблюдают за медведями, при этом оставаясь незамеченными, чтобы собрать как можно более точную информацию о пищевых привычках, семейной жизни, брачных играх (этнологические дискуссии, посвященные медведю, несомненно, вышли бы за рамки этой работы). Цель этих тайных наблюдений, даже несмотря на то что придется разрабатывать другой план действий, если медведь почует неладное, состоит также в том, чтобы избежать внезапных, непреднамеренных стычек («Затем я отправился в лес, чтобы увидеть, где он рычит. Добравшись туда, я отвязал собаку. Черт возьми, все было истоптано»). За маршрутами медведя ведется наблюдение, для того чтобы знать, куда он идет и где чаще всего появляется. В рассказах, повествующих о том, как человеку удалось избежать встречи со зверем, также отмечается, где проходил медведь, исчез ли он без следа или был убит позже другим охотником, или напал на кого-то еще в другом месте. Люди постоянно обмениваются информацией о местах появления медведей, таким образом, предупреждая о потенциальной опасности. Жители Нового Васюгана и в большей степени Озерного постоянно говорят о том, кто и где увидел медведя, сколько зверю лет, какого он пола и как он себя ведет.

Другим средством, которое используется для изменения сложившейся иерархии, является юмор, благодаря которому интерпретируются различные ситуации и сглаживаются противоречия, обычно вызванные неадекватной реакцией. Любой, кто выставляет себя чересчур храбрым, но потерпел поражение при встрече с медведем, неизбежно становится целью насмешек («Медведь был в пещере. Один из охотников недоумевал: к чему вся эта суматоха, зачем сооружать ограду, он просто пальнет из ружья – бах-бах! – и быстро уложит зверя. В следующий миг медведь выскочил из пещеры, швырнул парня в сторону, сломал ружье, выхватив его зубами, пробежав с ним 15 метров. Вот тебе и бах-бах!»), равно как и те, кто продемонстрировал недопустимую трусость (как упоминалось ранее) («Они нашли берлогу. Прутиками тыкали в медведя. Тот вырвался наружу. Один из охотников не смог выстрелить от страха и упал навзничь. Ну то есть он выстрелил, но медведя это не остановило. Другой парень даже и выстрелить не мог, так он был напуган. Собака убежала, поджав хвост. Ружье упало в снег. Вся округа потешалась над ними»). Однако шутивная история может быть рассказана и в доброжелательном ключе, например, в случае, когда ствол охотничьего ружья нечаянно погнулся, но охотнику удалось более-

менее распрямить его на пне и продолжить охоту, а в результате даже застрелить медведя. Даже довольно неожиданный сюжет может принять юмористический оттенок: так, одна женщина вышла во двор на поиски своего мертвецки пьяного мужа. Ей показалось, что муж барахтается в траве, но, к великому изумлению женщины, ее недовольное ворчание спугнуло медведя, который бросился наутек в лес. Муж все это время громко храпел в уборной.

Следующая история весьма точно иллюстрирует поведение, которое потом может стать предметом насмешек: «Я вышел посмотреть, кто там. Медведь стоял на задних лапах». – «Напротив дома?» – «Да, недалеко, около 15 метров. Я открыл дверь, позади меня стояла Ленка. Я сказал: „Медведь“. Ружье осталось дома, и я подумал, что лучше бы мне взять его. Ленка начала пихать меня в сторону: дай посмотреть, дай посмотреть, чуть из дверей меня не вытолкнула. Дай посмотреть. К черту тебя, ружье дай. Пока мы спорили, я закрыл дверь на крючок. Взял ружье, вышел, огляделся – медведя не видать. Куда-то убежал. Одна из собак пустилась за ним в погоню, продолжала лаять. Носится вокруг дома и глотку дерет. Кипря понял, что что-то не так, ведь собаки лаяли. Я взобрался на крышу по лестнице, чтобы лучше оглядеться. Посмотрел на кусты, они шевелились и указывали, куда побегал медведь. Подошел Кипря: „Что случилось?“ Я спросил: „Где твоё ружье?“ Иногда его ружье лежало в обласке, а иногда валялось где-нибудь на кухне. Я сказал: „Медведь движется в твою сторону“. Он тут же запер дверь, а через секунду выбежал наружу. Он забыл, где оставил ружье. Сначала подбежал к своему обласку, но вспомнил, что его там нет. Он развернулся, ружье лежало на кухне, которая была пристроена к дому. С ружьем он снова юркнул в дом. Я видел, как он закрыл дверь на крючок. Я выстрелил в кусты, медведь вышел с другой стороны. Я видел с крыши, он был с детенышами. Они потерялись, вероятно, медведица отправилась на поиски. Собаки, должно быть, испугали их. Детишки были в ужасе, еще бы, медведь – страшный зверь. Ну а Ленка-чертовка... Они спросили: “Медведь может проникнуть в дом?” Ленка: “Запросто, он поднимет край дома одной лапой, а другой схватит вас”. Ольга лежала у стены: “Маринка, сегодня я не хочу спать у стены. Я буду спать снаружи, а ты спи тут”. Я сказал, что мама лишь страшит вас почему зря».

Но объектом насмешек могут стать не только люди, но и сам медведь. Зверь, который залез в продовольственный склад нефтяников и хорошенько там подкрепился, стал героем анекдотов. Когда охота на него увенчалась успехом, всех до колик рассмешило, что *«морда медведя была измазана в муке и сгущенном молоке»*.

Как отмечалось ранее, медведь также может быть страшным и вселять ужас. Вокруг этих качеств построена следующая история. «У Игоренко была черная корова. Она убежала куда-то к озеру Лиственному, сбилась с пути. Был темный вечер. Он отправился на поиски, там лежала корова. Но на самом деле это был медведь. Но он думал, что нашел корову. Он был очень зол из-за того, что ему пришлось блуждать ночью. Он начал ругаться и отвесил корове хорошего пинка. Но оказалось, что он пнул медведя. Осознав это, он в ужасе убежал прочь. Утром на то место вернулись люди, неподалеку лежал мертвый медведь. У него остановилось сердце. Его погубил страх».

Неосторожность по отношению к медведю также рассматривается как пренебрежение к правилам. Такие случаи также рассказываются в юмористическом ключе, однако смех призван скрыть разногласия, порицание. Один охотник славился своей беспечностью. Он не был особенно смелым, но несколько раз шел отдельно от остальной группы, при этом он был самым безрассудным, порой совершая дальние вылазки в лес без оружия. Другие охотники утверждали, что он просто очень ленив, чтобы нести ружье, но у него нашлось свое объяснение: *«Медведи не причиняют вреда пьяным людям»*.

Заключение

Люди, живущие на Васюгане, верят, что медведи являются частью как животного, так и сверхъестественного мира, и в то же время лишь несколько телесных особенностей отличают

их от человека. Баланс отношений между медведем и человеком основывается на взаимном страхе. Страх лежит в основе допустимого или недопустимого поведения человека. Под недопустимым поведением понимается неспособность совладать со страхом, паника, которая расценивается как слабость или трусость. Поведение, направленное на подавление паники, является правильным: уважение к медведю, уловки, необходимые предосторожности, отпугивание медведя, его убийство и даже шутки про медведей, отрицание страха. Паника ставит человека на ступень ниже во взаимоотношениях с медведем, в то время как одобряемое обществом поведение поддерживает баланс или даже поднимает человека над зверем. Однако страх человека и медведя является взаимным, и зверь тоже обеспокоен своим местом в этой иерархии. При встрече с человеком медведь дает оценку ситуации и также старается поддерживать баланс. Нарушение зверем баланса является недопустимым поведением, и поэтому медведи-шатунны и медведи-людоеды осуждаются обществом и должны быть убиты; с их тушами также обходятся особым образом: человек никогда не употребляет их мясо. Баланс между медведем и человеком является предпосылкой социального порядка: медведь наказывает человека за его грехи, но и человек может наказать зверя за совершенные им проступки.

Данное исследование поддерживается проектом K81267 ОТКА в Венгрии (Szimbolikus tájak és etnikus kapcsolatok Oroszországban) и Томским государственным университетом в России (Томский государственный университет, проект «Культурное наследие северной части Евразийского континента: методология исследования, история, современное состояние»).

Список литературы

- Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 239 с.
- Averill J. R. The social construction of emotion: with special reference to love // K. J. Gergen, et K. M. Davis (sous la dir. de). The social constructions of the person. New York: Springer. 1988. P. 89–109.
- SZ. Bakró-nagy M. Die Sprache des Bärenkultes im Ob-ugrischen. Budapest: Akadémiai Kiadó ("Bibliotheca Uralica 4"), 1979. 141 с.
- Csernyecov V. N. et I. Az obi-ugor medvekultuszról // Domokos Péter (sous la dir. de). Uralisztikai olvasókönyv. Budapest: ELTE, 1977. P. 198–205.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // VIII книга трудов этнографического отдела. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
- Harrè R. An outline of the social constructionist viewpoint // Rom Harrè et al. The Social Construction of Emotion. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 2–14.
- Heller Á. Az érzelmek elmélete // Az ösztönök. Az érzelmek. Budapest: Gondolat, 1978. P. 133–338.
- Honti L. Chrestomathia ostiacica (osztják nyelvjárási szöveggyűjtemény nyelvtani vázlattal és történeti magyarázatokkal). Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p.
- Hultkrantz Å. The Owner of the Animals in the Religion of the North American Indians. Some General Remarks // The Supernatural Owners of Nature: Nordic Symposium on the Religious Conception of Ruling Spirits (Genii Loci, Genii Speciei) and Allied Concepts. Stockholm – Göteborg – Uppsala: Svenska Religionshistoriska Samfundet, 1961. P. 53–64.
- Hultkrantz Å. Type of Religion in the Arctic Hunting Cultures. A Religio-Ecological Approach // Harald Hvarfner et al. Hunting and Fishing. Nordic Symposium on Life in a Traditional Hunting and Fishing Milieu in Prehistoric Times and Up to the Present Day Lulea, Norrbottens Museum, 1965. P. 265–318.
- Ingold T. Hunting, sacrifice and the domestication of animals // The appropriation of nature: essays on human ecology and social relations. Manchester: University Press, 1986. P. 243–277.
- Jenkins J. H. The Psychocultural Study of Emotion and Mental Disorder // P. K. Bock et al. Handbook of Psychological Anthropology. Westport; Connecticut; London: Greenwood Press, 1994. P. 97–120.

- Jordan P. Material Culture and Sacred Landscape. The Anthropology of the Siberian Khanty. Walnut Creek, AltaMira Press, (Archaeology of Religion (Book 3)), 2003. 320 p.
- Kannisto A. A vogul medveünnepek // Domokos Péter et al. Uralisztikai olvasókönyv. Budapest: ELTE, 1977. P. 186–197.
- Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra Völker III. Helsinki–Porvoo: Suomalainen Tiedeakatemia (Folklore Fellows Communication 63). 1927. 352 p.
- Kövecses Z. Harré “emocionológiája” és a kognitív nyelvészet érzelmelfogása // Replica. 1997. 25. P. 163–174.
- Kövecses Z. Emotion Concepts. New York: Springer Verlag, 1990. 230 p.
- Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 187 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 223 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 215 с.
- Кулемзин В. М., Надь З. Васюганские ханты. Изменения религиозной системы в XIX–XXI веках (Томск: Изд-во ТГПУ. 2011. 294 с.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2013. Вып. 1 (1). С. 125–128.
- Кутафьев П. И. О почитании медведя на р. Васюгане // Я. А. Яковлев и др. Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Т. 10. С. 128–129.
- Levy R. I., Rosaldo M. Z. Issue on Self and Emotion // Ethos. 1983. 11 (3). P. 1–28.
- Levy R. I. Emotion, Knowing, and Culture // R. A. Shweder, R. LeV. et al. Culture Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1984. P. 214–236.
- Lot-falc é. Les Rites chasse chez les peuples sibériens. Paris: Gallimard, 1953. 235 p.
- Лукина Н. В. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990а. С. 179–191.
- Лукина Н. В. Мифы, предания, сказки хантов и манси: пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. М.: Наука, 1990б. 568 с.
- Лукина Н. В. Хантыйский обряд жертвоприношения // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2013. Вып. 2 (2). С. 106–114.
- Lutz C., White G. M. The Anthropology of Emotions // Annual Review of Anthropology. 1986. 15. P. 405–436.
- Lutz C. Unnatural emotions: everyday sentiments on a Micronesian atoll and their challenge to western theory. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 273 p.
- Mandelstam-Balzer B. M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton: Princeton University Press, 1999. 326 p.
- Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological Review. 1991. 98 (2). P. 224–253.
- Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 139 с.
- Молданов Т. А., Молданова Т. А. Боги земли Казымской. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 111 с.
- Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény I–IV. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia. 1892–1921.
- Munkácsi B. A medveeskü népszokása a voguloknál // Hornyánszky Viktor et al. Hunfalvy-album. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1891. P. 113–132.
- Munkácsi B., Kálmán B. Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény IV. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. 314 p.
- Nagy Z. “Miféle hantik vagyunk mi?” A vaszugáni hantik és a világ // Pócs Éva et al. Közösség és identitás. Budapest: L'Harmattan – PTE Néprajz Tanszék (Studia Ethnologica Hungarica III.), 2002. P. 33–77.
- Nagy Z. A profán medve. Medvék, vadászok, vadástörténetek a Vaszugan folyó mellett // Sipőcz Katalin, Szeverényi Sándor et al. Elmélkedések nyelvekről, népekről, és a profán medvéről. Írások Bakró-Nagy Marianne tiszteletére. Szeged: SZTE, Finnugor Nyelvtudományi Tanszék, 2006. P. 107–152.
- Надь З. Об одном шаманском бубне васюганских хантов // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 1 (52). С. 123–126.

Надь З. Профанный медведь в охотничьих историях хантов Васюгана // Л. М. Плетнева. Археология и этнография Приобья: материалы и исследования: сб. тр. кафедры археологии и этнологии. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. С. 106–125.

Nagy Z. Az őseink még hittek az ördögökben. Vallási változások a vaszjugani hantiknál. Budapest: MTA Néprajzi Kutatóintézet – PTE BTK Néprajz – Kulturális Antropológia Tanszék – L'Harmattan (Kultúrák keresztútján), 2007a. 352 p.

Nagy Z. Korosztályváltó rítusok a hantiknál // Pócs Éva et al. Maszk, átváltozás, beavatás. Vallásetnológiai fogalmak tudományközi megközelítésben. Budapest: Balassi, 2007b. P. 146–153.

Надь З. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX–XXI веках. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 293 с.

Nagy Z. The Invisible "Ostjaks": The Khanty people in the Tomsk Oblast // Riho Grünthal, Magdolna Kovács et al. Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. Helsinki: University of Helsinki, Finno-Ugric Society (Uralica Helsingiensis 5.), 2011. P. 359–384.

Paulson I. Die Vorstellungen von den Seelen und Schutzgeistern der Tiere bei einigen nordasiatischen (sibirischen) Völkern // Åke Hulthkrantz et al. The Supernatural Owners of Nature: Nordic Symposium on the Religious Conception of Ruling Spirits (Genii Loci, Genii Speciei) and Allied Concepts. Stockholm; Göteborg; Uppsala: Svenska Religionshistoriska Samfundet, 1961. P. 38–53.

Paulson I. The Preservation of Animal bones in the Hunting rites of some North-Eurasians Peoples // Diószegi Vilmos et al. Popular beliefs and folklore tradition in Siberia. Bloomington: Indiana University Press, 1968. P. 451–457.

Pedersen M. A. Totemism, animism and north Asian indigenous ontologies // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2001. 7. P. 411–427.

Rosaldo M. Z. Toward an anthropology of self and feeling // Richard A. Shweder and Robert A. LeVine et al. Culture Theory: essays on mind, self, and emotion. Cambridge: UK: Cambridge University Press, 1984. P. 137–157.

Schmidt É. Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians // Mihály Hoppál – Juha Pentikainen et al. Uralic Mythology and Folklore. Budapest; Helsinki: Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences (Ethnologica Uralica), 1989. P. 187–232.

Schmidt É. Az obi-ugor mitológia és a medvetisztelet // Ethnographia Cl. 1990. P. 149–193.

Sirelius U. T. Über das jagdrecht bei einigen finnischen-ugischen völkern // Memories de la Societe Finnougrienne XXXV. 1914. 14. P. 1–34.

Соколова З. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 211 с.

Viveiros de Castro E. Cosmological Deixis and Amerindian Perspectivism // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1998. 4. P. 469–488.

Willerslev R. Not animal, not not-animal: hunting, imitation and empathetic knowledge among the siberian yukaghirs // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2004. 10. P. 629–652.

Надь З., профессор.

Университет Печь, Венгрия.

E-mail: nagyzooli@gmail.com

Материал поступил в редакцию 27 октября 2014.

Nagy Z.

«EVERYONE IS AFRAID OF BEAR». FEAR OF BEAR ON VASYUGAN RIVER

The people living along the Vasyugan river believe that the bear is a part of both the fauna and the supernatural sphere, and at the same time only a few bodily features differentiate it from man. The relationship between bear and man can be interpreted as a delicately balanced situation manifested not only in fear in man, but also in the bear. Fear produces legitimate and illegitimate behavioral patterns for man. Illegitimate behavior includes submission to fear, panic regarded as weakness or cowardice. Any behavior that suppresses panic is legitimate: respect for the bear, evasion, necessary caution, keeping the bear away, killing it, and even the jokes about bear adventures, the neglect of fear. Panic subordinates man to the hierarchy between bear and man, while the socially accepted patterns of action sustain or even

reverse it. Not only man is afraid of the bear, the bear is also afraid of man, and not only man but also the bear thinks in terms of hierarchy. The hierarchy is also tested or assessed by the bear in an encounter with man, and it is also in the bear's interest to maintain this hierarchy. The violation or neglect of the balance by the bear is also unacceptable behavior, and therefore both roving bears and man-eater bears are condemned and it is man's duty to kill them; their carcasses are also treated differently from the rest of the bears: their flesh is never consumed. The balance between bear and man is the sign and precondition for social order: the bear as man's supersociety punishes man for his sins, and man is enabled to kill the bear by some of the latter's faults.

Key words: *Khanty, Siberia, Vasyugan, bear, cultural anthropology, behavior towards animals.*

References

- Adaev V. N. *Traditsionnaya ekologicheskaya kultura khantov i nentsev* [Traditional ecological culture of Khanty and Nenets]. Tyumen, Vektor Buk Publ., 2007. 239 p. (in Russian).
- Averill J. R. The social construction of emotion: with special reference to love. K. J. Gergen, et K. M. Davis (sous la dir. de). *The social constructions of the person*. New York, Springer, 1988. Pp. 89–109.
- SZ. Bakró-nagy M. *Die Sprache des Bärenkultes im Ob-ugrischen*. Budapest: Akadémiai Kiadó ("Bibliotheca Uralica 4"), 1979. 141 c.
- Csernyecov V. N. Az obi-ugor medvekultuszról. Domokos Péter (sous la dir. de). *Uralisztikai olvasókönyv*. Budapest: ELTE, 1977. P. 198–205.
- Golovnev A. V. *Govoryashchie kultury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of Samoyedic and Ugric people]. Ekaterinburg, UrO ANPubl., 1995. 607 p. (in Russian).
- Gondatti N. L. Sledy azychestva u inorodtsev Sever-Zapadnoy Sibiri [Traces of paganism in aborigenes of North-Western Siberia]. *Kniga trudov etnograficheskogo otdela* [From VIIIth book of Proceedings of the Ethnographic Department]. Moscow, Tipografiya E. G. Potapova Publ., 1888. 91 p. (in Russian).
- Harré R. An outline of the social constructionist viewpoint. Rom Harré et al. *The Social Construction of Emotion*. Oxford, Basil Blackwell, 1986. Pp. 2–14.
- Heller Á. Az érzelmek elmélete. Heller Ágnes. *Az ösztönök. Az érzelmek*. Budapest, Gondolat, 1978. Pp. 133–338.
- Honti L. *Chrestomathia ostiacica (osztják nyelvjárási szöveggyűjtemény nyelvtani vázlattal és történeti magyarázatokkal)*. Budapest, Tankönyvkiadó, 1986. 285 p.
- Hultkrantz Å. The Owner of the Animals in the Religion of the North American Indians. Some General Remarks. Åke Hultkrantz et al. *The Supernatural Owners of Nature: Nordic Symposium on the Religious Conception of Ruling Spirits (Genii Loci, Genii Speciei) and Allied Concepts*. Stockholm; Göteborg; Uppsala, Svenska Religionshistoriska Samfundet, 1961. Pp. 53–64.
- Hultkrantz Å. Type of Religion in the Arctic Hunting Cultures. A Religio-Ecological Approach. Harald Hvarfner et al. *Hunting and Fishing. Nordic Symposium on Life in a Traditional Hunting and Fishing Milieu in Prehistoric Times and Up to the Present Day* Lulea, Norrbottens Museum, 1965. Pp. 265–318.
- Ingold T. Hunting, sacrifice and the domestication of animals. Tim Ingold et al. *The appropriation of nature: essays on human ecology and social relations*. Manchester, University Press, 1986. Pp. 243–277.
- Jenkins J. H. The Psychocultural Study of Emotion and Mental Disorder. P. K. Bock et al. *Handbook of Psychological Anthropology*. Westport; Connecticut; London, Greenwood Press, 1994. Pp. 97–120.
- Jordan P. *Material Culture and Sacred Landscape. The Anthropology of the Siberian Khanty*. Walnut Creek, AltaMira Press. (Archaeology of Religion (Book 3)). 2003. 320 p.
- Kannisto A. A vogul medveünnepek. Domokos Péter et al. *Uralisztikai olvasókönyv*. Budapest, ELTE, 1977. Pp. 186–197.
- Karjalainen K. F. *Die Religion der Jugra Völker III*. Helsinki, Porvoo: Suomalainen Tiedeakatemia (Folklore Fellows Communication 63). 1927. 352 p.
- Kövecses Z. Harré "emocionológiája" és a kognitív nyelvészet érzelmelfogása. *Replica*, 1997, 25, pp. 163–174.
- Kövecses Z. *Emotion Concepts*. New York, Springer Verlag, 1990. 230 p.
- Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda v verovaniyah hantov* [Human and nature in the belief system of Khanty]. Tomsk, TGU Publ., 1984. 187 p. (in Russian).

- Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasugansko-vahovskie hanty v kontse XIX – nachale XX vv. Etnograficheskie ocherki* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late XIX – early XX centuries]. Tomsk, TGU Publ., 1977. 223 p. (in Russian).
- Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Materialy po folkloru khantov* [Data on the Khanty folklore]. Tomsk, TGU Publ., 1978. 215 p. (in Russian).
- Kulemzin V. M. Zoltan Nagy. Vasjuganskie hanty. Izmeneniya religioznoj sistemy v XIX–XXI vekah (Tomsk: Izd-vo TGPU. 2011. 294 s.) [Zoltan Nagy. Vasyugan Khanty. Changes in religious system in XIX–XXI cc. Tomsk: TSPU-Press]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, vol. 1 (1), pp. 125–128 (in Russian).
- Kutařev P. I. O pochitanii medvedya na r. Vasyugane [On the bear cult of the Vasyugan river]. *Yakovlev Yakov Aleksandrovich et al. Trudy Tomskogo Oblastnogo Kraevedcheskogo Muzeya* [Jakovlev Jakov Aleksandrovich (et al). Proceedings of Tomsk Regional Local Lore Museum]. Vol. 10. Tomsk, Tomsk University Press, 2000. Pp. 128–129 (in Russian).
- Levy R. I., Rosaldo M. Z. Issue on Self and Emotion. *Ethos*, 1983. 11 (3), pp. 1–28.
- Levy R. I. Emotion, Knowing, and Culture. R. A. Shweder, R. LeV. et al. *Culture Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press, 1984. Pp. 214–236.
- Lot-falc é. *Les Rites chasse chez les peuples sibériens*. Paris: Gallimard, 1953. 235 p.
- Lukina N. V. Obschee i osobennoe v kul'te medvedya u obskikh ugrov [Universal and unique features of the bear cult in Ob-river ugric people]. N. V. Lukina et al. *Obryady narodov Zapadnoy Sibiri* [Rituals of the people of Western Siberia]. Tomsk, TGU Publ., 1990a. 191 p. (in Russian).
- Lukina N. V. et al. *Mify, predaniya, skazki hantov i mansi* [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi. Translated from Khanty, Mansi and German]. Moscow. Nauka Publ., 1990b. 568 p. (in Russian).
- Lukina N. V. Hantyskij obrjad zhertvoprinoshenija [Khanty Sacrifice Ritual]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, vol. 2 (2), pp. 106–114 (in Russian).
- Lutz C., White G. M. The Anthropology of Emotions. *Annual Review of Anthropology*, 1986, 15, pp. 405–436.
- Lutz C. *Unnatural emotions: everyday sentiments on a Micronesian atoll and their challenge to western theory*. Chicago, The University of Chicago Press, 1988. 273 p.
- Mandelstam B. M. *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton, Princeton University Press, 1999. 326 p.
- Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 1991, 98 (2), pp. 224–253.
- Moldanov T. A. *Kartina mira v pesnopeniyah medvezhih igrishch severnyh hantov* [World view in the songs of the bear fest of Northern Khanty]. Tomsk, TGU Publ., 1999. 139 p. (in Russian).
- Moldanov T. A., Moldanova T. A. *Bogi zemli kazymsoy* [The Gods of Kazym Land]. Tomsk, TGU Publ., 2000. 111 p. (in Russian).
- Munkácsi B. *Vogul népköltési gyűjtemény I–IV*. Budapest, Magyar Tudományos Akadémia, 1892–1921.
- Munkácsi B. A medveeskü népszokása a voguloknál. Hornyánszky Viktor et al. *Hunfalvy-album*. Budapest, Magyar Tudományos Akadémia, 1891. Pp. 113–132.
- Munkácsi B., Kálmán B. *Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény IV*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1963. 314 p.
- Nagy Z. “Miféle hantik vagyunk mi?” A vaszjugáni hantik és a világ. Pócs Éva et al. *Közösség és identitás*. Budapest, L'Harmattan – PTE Néprajz Tanszék (Studia Ethnologica Hungarica III.), 2002. Pp. 33–77.
- Nagy Z. A profán medve. Medvék, vadászok, vadász történetek a Vaszjugan folyó mellett. Sipőcz Katalin, Szeverényi Sándor et al. *Elmélkedések nyelvekről, népekről, és a profán medvéről. Írások Bakró-Nagy Marianne tiszteletére*. Szeged, SZTE, Finnugor Nyelvtudományi Tanszék, 2006. Pp. 107–152.
- Nagy Z. Ob odnom shamanskom bubne vasjuganskih hantov [About One Shaman Tambourine of the Vasiugan Khantys]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2006, vol. 1 (52), pp. 123–126 (in Russian).
- Nagy Z. Profanny medved v ohotnich'ih istoriyah hantov vasyugana. Pletneva L. M. et al. *Arheologiya i etnografiya Priobya: Materialy i issledovaniya* [Profane bear in the hunting stories of the Vasyugan Khanty. Lyudmila Mikhailovna Pletneva: Archaeology and Ethnography of Priobye: Materials and Research]. *Sbornik trudov kafedry arheologii i etnologii – Collection of works of the Department of Archaeology and Ethnology*. Vyp. 2. Tomsk, TGPU Publ., 2008. Pp. 106–125 (in Russian).
- Nagy Z. *Az őseink még hittek az ördögökben. Vallási változások a vaszjugáni hantiknál*. Budapest: MTA Néprajzi Kutatóintézet – PTE BTK Néprajz – Kulturális Antropológia Tanszék – L'Harmattan (Kultúrák keresztútján), 2007a. 352 p.

Nagy Z. Korosztályváltó rítusok a hantiknál. Pócs Éva et al. *Maszk, átváltozás, beavatás. Vallásetnológiai fogalmak tudományos megközelítésben*. Budapest, Balassi, 2007b. Pp. 146–153.

Nagy Z. *Vasyuganskije hanty. Izmenenie religioznoj sistemy v XIX – XXI vekah* [Vasyugan Khanty. Changes in the religious system in XIX–XX centuries]. Tomsk, TGPU Publ., 2011. 293 p. (in Russian).

Nagy Z. The Invisible “Ostjaks”: The Khanty people in the Tomsk Oblast. Riho Grünthal, Magdolna Kovács et al. *Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities*. Helsinki, University of Helsinki, Finno-Ugrian Society (Uralica Helsingiensis 5.), 2011. Pp. 359–384.

Paulson I. Die Vorstellungen von den Seelen und Schutzgeistern der Tiere bei einigen nordasiatischen (sibirischen) Völkern. Åke Hultkrantz et al. *The Supernatural Owners of Nature: Nordic Symposium on the Religious Conception of Ruling Spirits (Genii Loci, Genii Speciei) and Allied Concepts*. Stockholm – Göteborg – Uppsala, Svenska Religionshistoriska Samfundet, 1961. Pp. 38–53.

Paulson I. The Preservation of Animal bones in the Hunting rites of some North-Eurasians Peoples. Diószegi Vilmos et al. *Popular beliefs and folklore tradition in Siberia*. Bloomington, Indiana University Press, 1968. Pp. 451–457.

Pedersen M. A. Totemism, animism and north Asian indigenous ontologies. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2001, 7, pp. 411–427.

Rosaldo M. Z. Toward an anthropology of self and feeling. Richard A. Shweder and Robert A. Levine et al. *Culture Theory: essays on mind, self, and emotion*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1984. Pp. 137–157.

Schmidt É. Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians. Mihály Hoppál – Juha Pentikainen et al. *Uralic Mythology and Folklore*. Budapest–Helsinki, Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences (Ethnologica Uralica), 1989. Pp. 187–232.

Schmidt É. Az obi-ugor mitológia és a medvetisztelet. *Ethnographia CI*, 1990, pp. 149–193.

Sirelius U. T. Über das Jagdrecht bei einigen finnischen-ugischen Völkern. *Memories de la Societe Finnougrienne XXXV*, 1914, 14, pp. 1–34.

Sokolova Z. P. *Kult zhivotnyh v religiyah* [The animal cult in religions]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 211 p. (in Russian).

Viveiros de Castro E. Cosmological Deixis and Amerindian Perspectivism. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 4, 1998, pp. 469–488.

Willerslev R. Not animal, not *not*-animal: hunting, imitation and empathetic knowledge among the siberian yukaghirs. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2004, 10, pp. 629–652.

Nagy Zoltán.

University of Pécs, Hungary.

E-mail: nagyzooli@gmail.com